

*Посвящается Бобу Гибсу
sine quo non**

* Тот, без кого невозможно (*лат.*).

1. Семнадцать жемчужин

— Пойдём, Бекка, — позвала бабушка.

— Минутку, — откликнулась Ребекка. Она махала родителям, пока паром, пыхтя, пересекал пролив и увозил их на остров Трибун, затем на остров Ванкувер, потом в город Ванкувер и далее в путешествие по Европе.

— Бекка, нам пора, — добавила бабушка.

Бекка не то чтобы возражала. Просто она никогда прежде не оставалась у бабушки в феврале, а мама и папа не уезжали так далеко. И пропускать школу! Это тоже странно. Ни тётюшек, ни дядюшек, которые разнообразили бы будни. Ни кузин. Что ж, это как раз, может, и к лучшему. Друзей тоже нет. Хотя она привыкла, что на бабушкином острове все дети были либо подростками, либо младенцами.

— Мне нужно покормить кота, — сказала бабушка.

Бекке не было страшно, но обычно она приезжала сюда летом. Она привыкла к тому, что соседи

отдыхали на пляже, а папа и тётки часто спорили с бабушкой, что иногда было забавно, а иногда — нет. Привыкла долгими светлыми вечерами рыбачить вместе с мамой на берегу, хотя на самом деле лосося на блесну лучше ловить с лодки. Во время долгих закатов она частенько пробиралась на чужие садовые участки, а соседка Кей угощала её сладкой морковью прямо с грядки.

Но сейчас они едва добрались до дома, как уже стемнело, а до ужина ещё было далеко.

— Иди сюда, Фрэнк! — позвала бабушка кота. — Бекка покормит тебя!

В домике было холодно, и бабушка зажгла огонь на плите. Они ели тосты и яйца за столиком у окна, но Бекка даже не могла разглядеть бухту. Лишь её собственное отражение шевелилось в темноте, будто ночь была стеной, скрывавшей пляж, море, острова и горы на том берегу.

— Туман опустился, — сказала бабушка, сходя к поленнице.

Бекка вертела в руках бутылочку с жемчугом, собранным бабушкой за долгие годы. У мамы тоже был жемчуг — ожерелье, которое она надевала, когда они с папой выходили куда-то в свет. Мамины жемчужины были идеально круглыми, элегантными и праздничными. Они напоминали Бекке о красивой одежде и запахе духов.

Бабушкин жемчуг был маленьким, как семена ежевики, бугристым, неправильной формы. Она собирала его из устриц, найденных на пляже. Этот жемчуг напоминал Бекке о мокрой обуви, море и загадочных явлениях, происходивших внутри устриц.

Но у маминых и бабушкиных жемчужин было кое-что общее: они сияли лунным светом.

— Чем ты обычно занимаешься по вечерам? — спросила Бекка бабушку.

— Раз мы вдвоём, поиграем в «Скрабл».

Бекка достала «Скрабл». Играли бурно. Снаружи туман оставлял следы на окне, а звуки моря стихали и растворялись.

— Ты не можешь составить слово *путин*!* — воскликнула бабушка. — Оно не английское. Так нельзя.

— Но в английском нет слова, означающего *путин*, — возразила Бекка. — Значит, можно. Путин — это путин. Смотри! Тогда я смогу использовать почти все буквы. И ещё превратить *лот* в *плот* и получить бонусные очки.

— Можно использовать только английские слова, — настаивала бабушка. — И вообще *путин*

* *Путин* (фр. routine) — квебекское блюдо из картофеля фри, посыпанного молодым рассольным сыром и политого слегка подслащённой гарнирной подливкой.

по-английски — это жареная картошка, сыр и соус. Просто не в одно слово.

— Но оно есть в словаре «Скрабла», — сказала Бекка. — Мы как-то заглядывали в него.

— Словарь «Скрабла»! — фыркнула бабушка. — В старые добрые времена мы использовали свой мозг. Так я играю, и такие правила у меня дома: использовать английские слова и собственный мозг.

Бекка увидела ещё одно слово, которое она могла бы составить. «Пудинг», — произнесла она по буквам, глядя на доску. Похоже, эта поездка к бабушке окажется хуже, чем она думала.

Бабушка выиграла, наверное, миллион очков.

— Видишь? Даже если бы ты получила бонус за все буквы, я бы всё равно победила, — сказала она.

Бекка, не говоря ни слова, убрала игру в коробку.

— Что ж, нам пора идти, — объявила бабушка. На улицу? Но там уже темно и холодно.

— Куда идти?

— Собирать устриц. Надевай сапоги, Бекка.

Бабушка бросила в рюкзак нож для устриц и старые варежки-прихватки.

— В темноте?

— Ага.

Сначала неудачная игра в «Скрабл», теперь бабушка тащит её в тёмный туманный лес. Это на-

помнило Бекке жуткую сказку, которую она когда-то читала.

— Держи меня за руку, — прозвучал во мраке бабушкин голос. — Ты же не хочешь споткнуться.

— Может, включим фонарики? — спросила Бекка. — И почему мы не можем собрать устриц на твоём пляже?

— Фонарики пригодятся нам позже. Твои глаза не привыкнут к темноте, если мы включим их сразу. А туман даёт свой собственный свет. Мы пойдём на мыс Мэйфилд: на том пляже самые лучшие устричные отмели. Надеюсь, у тебя полно сил. Идти далеко.

— Чем так пахнет?

Они остановились на дороге, и бабушка пригнулась.

— Кровью деревьев, — отозвалась она. — Соком. Кто-то расчищает участок, чтобы построить дом.

Кровь деревьев. Бекка вздрогнула.

Туман плыл сквозь лес. Иногда Бекка могла разглядеть стволы, а иногда и ветви. Вместе с бабушкой они шли по тропинке к мысу Мэйфилд в мерцающей дымке, вдыхая капельки влаги, светлевшие в ночи.

— Ты слышала? — бабушка резко остановилась и притянула Бекку к себе. Та внимательно

прислушивалась. Может, это рой насекомых, шелестящих в листьях салала.

— Это твой собственный звук, — сказала ей бабушка. — Ты слышишь звук своего сердца — это пульсирует твоя кровь.

И тут Бекка услышала шум внутри своей головы, будто она прижала к уху раковину натики и вслушивалась в ритм океана. Звук её собственного сердца.

Они продолжили путь. Тропинка извивалась сквозь лес к морю. Ноги Бекки подсказывали, что она шла в гору, а потом она проходила мимо дерева с орлиным гнездом.

— Орлы всё ещё здесь? — спросила она, сжимая бабушкину руку.

— Да, но их дети уже подросли, — ответила бабушка. — Смотри, мы выходим на пляж.

Но смотреть было не на что: кругом туман. Бекка почувствовала гальку под ногами и ударилась голенью о корягу. Она слышала хлюпанье водорослей и хруст устриц.

— Теперь можно включить фонарик? — спросила она.

— Через минуту.

«Бабушка, должно быть, видит в темноте», — подумала Бекка, споткнувшись рядом с ней.

— Вот хороший камень, — сказала бабушка и села на него. — Фу! Совсем мокрый!